

Ричард
Флэнаган

Узкая дорога
на дальний
север

Москва
2016

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
Ф69

Richard Flanagan
THE NARROW ROAD TO DEEP NORTH
Copyright © 2013, Richard Flanagan. All rights reserved

Перевод с английского *В. Мисюченко*

Разработка серии: *К.А. Терина, А.Г. Сауков*

Иллюстрации на обложке и форзаце: *К.А. Терина*

Флэнаган, Ричард.

Ф69 Узкая дорога на дальний север : [роман] / Ричард Флэнаган ; [пер. с англ. В. Ф. Мисюченко]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Лучшее из лучшего. Книги лауреатов мировых литературных премий).

ISBN 978-5-699-86238-2

В этом удивительном романе, который Э.С. Грейлинг, член жюри Букеровской премии 2014 года, назвал шедевром, Флэнаган расскажет о судьбе австралийских военнопленных, брошенных на строительство печально известной Дороги смерти. Дороги, забравшей жизни десятков тысяч людей, погибших в нечеловеческих условиях вдали от дома. Но это не просто рассказ о трагических временах — это история любви, смирения и отваги. Это книга о том, что может сделать человек, поверивший, что шанс на будущее все еще есть.

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-699-86238-2

© Мисюченко В., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Заключенному san byaku san jū go (335)¹

¹ *Заключенному номер 335 (яп. в лат. транслитерации). — Здесь и далее примечания переводчика.*

Мама, они стихи пишут.

*Пауль Целан*¹

¹ Пауль Целан (1920–1970) — немецкоязычный поэт и переводчик, давший возможность опровергнуть утверждение Адорно о том, что «после Освенцима невозможно писать стихи». В фразе, выбранной в качестве эпиграфа, «они» относятся к заключенным, чьих ужасы каторжного существования не отвращали от поэзии.

Из сердцевины пиона
Медленно выползает пчела...
О, с какой неохотой!

Басё

1

Вот почему начало чего угодно всегда — свет? Самое раннее воспоминание Дорриго Эванса — солнце, затопившее своим светом церковный зал, где он сидит с матерью и бабушкой. Деревянный церковный зал. Слепящий свет, и он, топающий вперевалку туда-сюда, то предаваясь непостижимому радушию света, то выходя из него и попадая на руки к женщинам. Женщинам, любившим его. Было похоже, как будто заходишь в море и возвращаешься на пляжный песок. С волны на волну.

«Храни тебя Бог, — произносит мама, держа его на руках и опуская на пол походить. — Храни тебя Бог, мальчик мой».

Год, должно быть, 1915-й или 1916-й. Ему год или два. Позже подступила тень от поднятой руки, ее черный контур внезапно возник в сальном свете керосиновой лампы. Джеки Магвайр сидит на тесной кухоньке Эвансов, плачет. Тогда никто не плакал, кроме маленьких детей. Джеки Магвайр был стариком лет сорока, наверное, а то и больше, и все старался смахнуть тыльной стороной ладони слезы со своего изъеденного оспинами лица. Или он это пальцами проделывал?

В памяти Дорриго Эванса застряло только то, что старик плакал. Звук был такой, будто что-то ломалось. Замедляющийся ритм рыданий напомнил ему, как бил задними ногами о землю кролик, попавший в силки, единственный из всех слышанных в жизни звуков, что был похож. Да и выбор-то, с чем сравнивать, невелик: ему девять лет, зашел домой показать матери кровавый волдырь на большом пальце. До этого он всего раз видел, как плачет взрослый мужчина, зрелище поразительное. Случилось это, когда его брат, Том, вернулся

с Большой войны во Франции и сошел с поезда. Швырнул вещмешок в горячую пыль запасного пути и вдруг разразился слезами.

Глядя на брата, Дорриго Эванс все гадал, что же такое могло заставить взрослого заплакать. Заплакать стало означать просто дать выход чувствам, а чувство — единственный в жизни компас. Чувствовать сделалось модой, а эмоция стала театром, в котором люди актеры, давно позабывшие, что они собой представляют вне сцены. Дорриго Эвансу суждено было прожить достаточно долго, чтобы стать свидетелем всяческих перемен. И он запомнил время, когда люди стыдились плакать. Когда они страшились слабости, которую выдавали слезы. Беды, какую они накликали. Он доживет и увидит, как люди станут хвалить то, что не заслуживает похвалы, просто потому, что считают, будто истина дурно скажется на их чувствах.

В ночь, когда Том вернулся домой, сожгли на костре чучело кайзера. Том ничего не рассказывал о войне, о немцах, о газах, танках и траншеях, слухи о которых долетали и до них. Он вообще ни о чем не рассказывал. То, что один человек чувствует, не всегда соответствует всему, чем полна жизнь. Порой это вообще не очень-то чему-нибудь соответствует. Брат только смотрел, не отрываясь, на язычки пламени.

2

У человека счастливого нет прошлого, тогда как у несчастного не остается ничего другого. В старости Дорриго Эванс не мог понять, то ли он эти слова вычитал где, то ли сам сложил. Сложил, замесил, вывалил. Вываливается беспрепятственно. Камень в гравий, гравий в пыль, пыль в грязь, грязь в камень — и так мир вертится, как, бывало, говаривала его мать, когда он требовал объяснений, почему в жизни должно быть так или этак. «Мир существует, — говорила мать. — Он просто *есть*, мальчик мой». Мальчик изо всех сил старался выковырять камень из породы, чтобы построить форт для игры, в какую он играл, когда другой камень, побольше, упал

ему на большой палец, отчего под ногтем вздулся большой ноющий кровавый волдырь.

Мать подтолкнула Дорриго к кухонному столу, где лампа светила ярче всего, и, избегая странного пристального взгляда Джеки Магвайра, поднесла к свету большой палец сына. Жена Джеки на прошлой неделе села в поезд с их самым младшим ребенком, уехала в Лонсестон и не вернулась.

Мать Дорриго взяла разделочный нож. По кромке его лезвия тянулась желтоватая полоска застывшего бараньего жира. Мать сунула кончик ножа в угли кухонной плиты. Взвился легкий дымок, наполняя кухню запахом подгоревшей баранины. Мать вытащила нож, с его красного от жара кончика слетали, сверкая, искорки добела раскаленных бриллиантовых пылинок, Дорриго виделось в этом чудо и одновременно что-то пугающее.

— Стой смирно, — велела мать, ухватив его руку с такой силой, что он даже удивился.

Джеки Магвайр уже рассказывал, как он отправился на почтовом поезде в Лонсестон, как искал жену повсюду, но так и не смог ее нигде найти. На глазах у Дорриго раскаленный кончик коснулся его ногтя, дым пошел, когда мать стала прожигать дырку у основания ногтя. Мальчик слышал, как Джеки Магвайр сказал:

— Она пропала с лица земли, миссис Эванс.

Вслед за дымом из его большого пальца вырвалась струйка темной крови, и боль от кровавого волдыря ушла вместе со страхом перед раскаленным разделочным ножом.

— Катись, — произнесла мать Дорриго, подталкивая его прочь от стола. — Теперь проваливай, мальчик мой.

— Пропала! — сокрушался Джеки Магвайр.

Было это в те времена, когда мир был широк и остров Тасмания все еще таил в себе целый мир. Времена многочисленных отдаленных и заброшенных форпостов по всему острову, лишь немногие из которых более заброшены и отдалены, чем Кливленд, селеньице душ в сорок, где жил Дорриго Эванс. Старое исправительное поселение осужденных пережило суровые времена и выпало из памяти, теперь оно сохранялось благодаря

ветке железной дороги: горстка развалюх в георгианском стиле и разбросанные деревянные коттеджи, опоясанные верандами, служили прибежищем тем, кто пережил век ссылок и утрат.

В селении, на которое так и напирала леса корявых эвкалиптов и серебристой мимозы, волнующейся и танцующей в жару, летом было жарко и тягостно, а зимой тягостно, просто тягостно. Электричеству с радио сюда только предстояло добраться, и если бы не было известно, что на дворе 20-е годы XX века, их вполне можно бы считать 80-ми, а то и 50-ми годами века XIX. Много лет спустя Том, человек, к аллегориям не склонный, но, видимо, понуждаемый (так, во всяком случае, считал в то время Дорриго) собственной предстоящей смертью и ее спутником, ужасом старости, делавшими всю жизнь лишь аллегорией, а настоящее чем-то нездешним, выразил это так: похоже на долгую осень умирающего мира.

Их отец был ремонтником на железной дороге, и его семья жила в одном из дощатых домиков Тасманийской государственной железной дороги прямо около путей. Летом, когда уходила вода, они ведрами черпали воду из бака, сооруженного для заправки паровых локомотивов. Спали под шкурами попавших в силки опоссумов, питались же в основном кроликами, которых загоняли в западни, да кенгуру-валлаби, которых отстреливали, картошкой, которую сами растили, да хлебом, который сами пекли. Отец, переживший кризис 1890-х годов и своими газами видевший, как на улицах Хобарта люди мерли с голоду, тот поверить не мог, что ему повезло в конечном счете остаться в живых в этом раю трудяг. Он еще говаривал, когда оптимизм его оставлял: «Живешь как собака и сдохнешь как собака».

Дорриго Эванс знал Джеки Магвайра по каникулам, которые иногда проводил у Тома. Чтобы добраться до Тома, надо было успеть доехать на задке подводы Джо Пайка из Кливленда до поворота на долину Фингал-Вэлли. Пока старый тяжеловоз Джо Пайка по кличке Грейси приятно трусил по дороге, Дорриго раскачивался взад-вперед, воображение превращало его в одну из суковатых ветвей бешено трясущихся эвкалиптов, которые тыкались в высокое синее небо и пролетали впереди. Он вбирал в себя запах сырой коры и сохнувших листьев, смотрел, как высо-

ко над головой пересмешничали кланы зелено-красных мускусных попугаев-лори. Он упивался птичьим пением крапивников и медососов, криками какой-то хищной птицы, похожими на шелканье хлыста, перемежавшимися мерным топотом копыт Грейси, поскрипыванием и позвякиванием кожаных ремней, деревянных осей и железных цепей телеги — вселенная ощущений, которая возвращалась в снах.

Они держали путь по старой каретной дороге, мимо каретной гостиницы, которую разорила железная дорога, и теперь она превратилась только что не в руины, где обитали обнищавшие семьи, в их числе и семейство Джеки Магвайра. Через каждые несколько дней облако пыли возвещало о приближении автомобиля, ребятишки, выбравшись из кустов и каретного сарая, с громким криком бежали за ним, пока их легкие не охватывал пожар, а ноги не наливались свинцом.

У поворота на Фингал-Вэлли Дорриго соскакивал с телеги, махал на прощание рукой Джо и Грейси и отправлялся пешком до Лливелина, городка, отличавшегося главным образом тем, что был он еще меньше Кливленда. Оказавшись в Лливелине, он шел прямо на северо-восток через загоны и, держа путь на укрытую снегом громадину горы Бен Ломонд, в снежную страну с той стороны Бена, где Том по две недели через одну работал капканщиком, ставил силки на опоссумов. Часа через два после полудня он добирался до жилища Тома, пещеры в отроге ниже уровня хребта, где брат и гнезвился. Размерами пещера была чуть меньше их забитой миллионом разных вещей кухни. В ее самом высоком месте Том мог встать, пригнув голову. Пещера, подобно яйцу, сужалась в оба конца. Вход в нее был занавешен, а значит, хранящий в ней тепло костер мог гореть всю ночь.

Иногда Том, которому уже несколько лет, как перевалило за двадцать, брал себе в напарники Джеки Магвайра. Том, обладавший хорошим голосом, частенько на ночь пел песню-другую. А после, при свете костра, Дорриго читал вслух неграмотному Джеки Магвайру и Тому, утверждавшему, что он читать умеет, из какого-нибудь старого номера «Буллетин» или «Смитс уикли», которые составляли библиотеку двух капканщиков на